

СУЛЛА НА ВОСТОКЕ: ПОЛИТИКА И ПРОПАГАНДА «ЛЮБИМЦА АФРОДИТЫ»

Когда речь идет о действиях Суллы в Греции против Митридата, как правило, отмечают стремительность и решительность, а также беспощадность и цинизм его действий. Так, С.А. Жебелев считал кампанию Суллы в Греции «одной из наиболее замечательных по умелому ведению кампаний военной истории»¹. С.И. Ковалев отмечал «решительность», «презрение к опасности», «смелость, граничившую с дерзостью», «быстроту действий» Суллы². Ф. Фрелих, характеризуя способы ведения войны Суллой, отмечал, что он «повел войну без всяких церемоний». Такая бесцеремонность, неуважение к историческим событиям и местам особо чтимых культов, «должны были настроить против Суллы население Греции тем в большей степени, что ранее они встречали со стороны Фламинина и Эмилия Павла лишь милостивое обхождение»³. Этого, однако, не произошло. Напротив, мы знаем, что, несмотря на все его крутые меры, Сулла преуспел в выполнении своих задач, и на поле боя ему противостояла лишь понтийская армия, без серьезного участия греков. Более того, несмотря на достаточно жесткие условия контрибуции, наложенной Суллой на провинившиеся города, Митридат более не имел в них успеха, а, напротив, встретил сопротивление с самого начала третьей войны с Римом⁴. Ни один из городов Азии не сделал больше попытки отложиться от римлян. Обычно как на причину охлаждения азиатских эллинов к Митридату указывают на невыполнение им его демагогических обещаний, данных в начале первой войны – освобождения от податей на пять лет, предоставления привилегий и т.п.⁵ Все авторы сходятся на том, что в Азии было сильное недовольство Митридатов, поведшее к восстаниям в городах и репрессиям против городов Малой Азии. Расходятся их мнения, в зависимости от общих взглядов исследователя, лишь по поводу того, кто именно был недоволен Митридатов. Часть авторов считает недовольным гражданский коллектив полисов в целом, другие сводят все к страху состоятельной части населения перед демагогическими мерами Митридата и покушением на их собственность (осво-

¹ Жебелев С.А. Из истории Афин. 229–31 годы до Р. Хр. СПб., 1898. С. 241.

² Ковалев С.И. История Рима. Л., 1986. С. 387 сл.

³ Fröhlich F. Cornelius Sulla Felix // RE. 1900. Bd. 4. Sp. 1538 f.

⁴ Как подчёркивают Д. Маги и Б.Г. Макгинг, во время этой войны сопротивление Митридату оказал первый же крупный город Азии, встретившийся на его пути – Кизик, жители которого не спешили отложиться от римлян (Magie D. Roman Rule in the Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 1. P. 231; McGing B.G. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontos. Leiden, 1986. P. 143).

⁵ См., напр.: Моммзен Т. История Рима. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 278; Keaveney A. Sulla: The last republican. L.; Canberra, 1982. P. 99 f.; Magie D. Op. cit. P. 223 f.; Bernhardt R. Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr.). В.; N.Y., 1985. S. 58 f.; Reinach Th. Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. P. 178 f.

бождение рабов, отмена долговых обязательств и т.п.). Нам кажется предпочтительней первая точка зрения. Во-первых, к широкой социальной демагогии Митридат перешел лишь после того, как недовольство им в полисах Азии уже обнаружилось⁶. Во-вторых, понтийский царь на деле показал, сколь далеки порядки восточной деспотии от привычного для эллинов полисного управления, покушение на которое задевало весь гражданский коллектив. Но, наряду с этим, следует учитывать и ещё один фактор – сочетание в римской политике «кнута» и «пряника», использование римскими полководцами средств пропаганды, которая, может быть, была не столь систематической и эффективной, как у Митридата, но которая, тем не менее, велась со времени первых столкновений римских армий и войск понтийского царя⁷.

В какой-то степени привлечь общественное мнение на сторону Рима пытался уже Кв. Бретий Сура – легат наместника Македонии Г. Сентия, отправленный навстречу армии Архелая и первым из римлян вступивший в бой с понтийской армией⁸. Плутарх, несомненно, хорошо осведомленный в истории родной ему Беотии, отмечает, что дела Суры шли успешнее, чем он мог надеяться, а греки, привлеченные его безупречным благородством (*διὰ ἐκείνου καλοκάγαθίαν*), уже готовы были перейти на сторону римлян⁹. Пожалуй, можно даже считать, что именно деятельность Суры подготовила быстрый обратный переход Беотии под римский контроль¹⁰.

⁶ Ср. последовательность событий у Аппиана (*Mithr.* 46–48): репрессии против галатов и хиосцев (46 f.), восстания в Эфесе, Траллах и других городах (48); наказание восставших Митридатом и попытки привлечь на свою сторону социальные низы (*ibid.*).

⁷ Ф. Сантанджело, специально исследовавший отношения Суллы с локальными элитами, подчеркивает, что успехи Митридата вскрыли в качестве основного вопроса глубокий кризис, который существовал в отношениях Рима с местными элитами на Востоке. Элита азиатских городов активно поддержала понтийского царя, а потому перед Римом и Суллой как его представителем стояла двойная задача – выиграть войну и затем вновь восстановить конструктивные отношения с теми, кому только что было нанесено поражение (*Santangelo F. Sulla, the Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East. Leiden; Boston, 2007. P. 34*).

⁸ О нем см.: *Klebs E. Bruttius* (10) // *RE. 1897. Hbd. 5. Sp. 915*. Правильная форма имени: *Münzer F. Bruttius* (10) // *RE. 1918. Spbd. 3. Sp. 218*. Он служил в качестве легата Г. Сентия, наместника Македонии, в течение шести лет, с 93 по 87 г. См.: *Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta (Georgia), 1986. Vol. 2. P. 15, 17, 19, 22, 28, 36, 43, 50*.

⁹ *Plut. Sulla. 11.5*. Ф. Фрелих на этом основании даже специально отмечает, что, благодаря ему, в Греции «события уже развивались благоприятно для римлян... Он не только поддержал славу римского оружия, но и своим хорошим обхождением завоевал расположение греков...» (*Frohlich F. Op. cit. Sp. 1538*).

¹⁰ Впрочем, здесь могли сказаться и еще, как минимум, два фактора: во-первых, общая военная слабость греческих городов и, во-вторых, то, что в Греции, где фискальный гнёт, связанный с деятельностью публиканов, был гораздо меньше того, который испытывала Азия, и недовольство римлянами было выражено с меньшей силой (см.: *Santangelo F. Op. cit. P. 35, 42*).

Сулла, явившийся в Грецию и находившийся в критическом положении, которое заставляло действовать всеми доступными средствами, тем не менее, придавал большинству своих неприглядных поступков пропагандистское обрамление, которое должно было их оправдать. Пожалуй, одной из наиболее вопиющих акций римского полководца было его решение о конфискации храмовых сокровищ. Свидетельством того резкого осуждения, которым встретили эти действия греки, могут быть слова Павсания, сказанные по поводу «похищения» Суллой статуи Афины из храма в Алакоменах: «За совершение таких безумных оскорблений над эллинскими городами и над богами эллинов его постигла самая отвратительная из всех болезней...» (*Paus.* IX.33.6. Пер. С.П. Кондратьева).

Противоправный характер этих действий подчёркивают и современные исследователи, говоря, что Сулла «ограбил» греческие святилища¹¹. Несомненно, на греков эти действия произвели неблагоприятное впечатление, что нашло отражение в приведенной выше оценке их Павсанием и в рассказе Плутарха о знамении, явленном в Дельфах фокейцу Кафису, который должен был осуществить реквизицию (*Plut. Sulla.* 12.4–9). Пожалуй, один только А. Кивни обратил внимание на идеологическую сторону дела, основываясь при этом на ответе Суллы Кафису, который приводит Плутарх: пением выражается веселие, а не гнев, поэтому следует смелее забирать вещи, которые бог отдает с радостью¹².

Далее А. Кивни комментирует: «Ответ, подобный этому, выдаёт человека, коему даже в тяжелых условиях помогает величайшая самоуверенность, которая при таких обстоятельствах может происходить только из неколебимой веры в свою собственную *felicitas*. Вера Суллы в нее была столь прочной, он настолько глубоко веровал в божественную благосклонность, что своим ответом Кафису продемонстрировал, что по его мнению хотели, чтобы он, их любимец, получил ... столько денег, сколько нужно для его кампании, из их храмов»¹³. Исследователь подчеркивает, что святилища не были просто ограблены, как утверждали греки, – сокровища были взяты у богов в долг (*App. Mithr.* 54; *Plut. Sulla.* 12.5). При этом такой долг понимался не как пустая формальность: сразу же после побед в Греции Сулла возместил убытки, пожертвовав богам земли «чтобы обеспечить им ежегодные доходы» (*Diod.* XXXVIII.7)¹⁴.

¹¹ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 244; Fröhlich F. Op. cit. Sp. 1539 (“beraubte... ohne Scheu”); Africa T.W. The immense majesty. A History of Rome and the Roman Empire. N.Y., 1974. P. 169; Christ K. Krise und Untergang der Römischen Republik. Darmstadt, 1979. S. 203.

¹² *Plut. Sulla.* 12.9. Ср.: *Diod.* XXXVIII.7 – боги при помощи большого взноса в казну Суллы пришли на помощь его делу.

¹³ Keaveney A. Op. cit. P. 85 f.

¹⁴ Из этих земель мы конкретно знаем только земли фиванцев, половина которых была отдана «Пифийскому и Олимпийскому богам» (*Plut. Sulla.* 19.6; *Paus.* IX.7.6). Храм в Эпидавре наши источники не упоминают, но, очевидно, и он должен был получить какое-то возмещение – у Аппиана (*Mithr.* 54) он

Вера Суллы в свою *felicitas* придавала борьбе новое качество, до определенной степени переводя ее в идеологическую плоскость. Вопрос теперь можно было ставить не только о том, какая армия окажется сильнее, но и о том, чьи небесные покровители окажутся могущественнее; в этом смысле Сулле противостоял не Митридат, а «новый Дионис». Сулла, в свою очередь, с самого своего вступления в Грецию всячески подчеркивал свою приверженность богам, несущим ему победу, в частности, Венере. Согласно рассказу Аппиана, указание повиноваться ей было дано Сулле, когда он вопрошал Аполлона Дельфийского о своем будущем¹⁵, и в дальнейшем имя Венеры постоянно сопровождает римского полководца. Уже на трофеях, сооруженных после победы при Херонее, Сулла, в соответствии с традицией, поместил три имени – Марса, Виктории и Венеры. Роль Венеры в этой троице была двойная: с одной стороны, как богиня-прародительница римлян она проявляла заботу о человеке, который вёл борьбу в защиту её потомков¹⁶. С другой стороны, Венера у римлян была и богиней удачи¹⁷, и, следовательно, непосредственно связана с *felicitas* самого Суллы¹⁸.

назван как получивший свою долю в фиванских землях. Именно с этого времени, по мнению Павсания, Фивы впали в «крайнюю степень слабости» (*Paus.* IX.7.6). Запустение Фив засвидетельствовано и Страбоном, который, правда, относит его начало к гораздо более раннему времени (*Strabo* IX.2.5), так что можно считать, что размер территории, отторгнутой Суллой, был немалым.

¹⁵ *App.* BC. 1.97.453. Сулла, насколько мы знаем, был первым римлянином, вопрошавшим оракул в Дельфах без государственного поручения (*Volkmann H. Sullas Marsch auf Rom. Der Verfall der römischen Republik.* München, 1958. S. 40). Аппиан не датирует это обращение даже приблизительно, но, судя по контексту, это произошло вскоре после прибытия Суллы в Грецию. Э. Габба отмечает, что причины, по которым оракул направил Суллу в отдаленный карийский храм, неизвестны (*Gabba E. Appiani bellorum civilium liber primus.* Firenze, 1958. P. 266). На необычность этого повеления оракула обратил внимание ещё Г. Берве, предложивший датировать оракул 92 г. до н.э., временем наместничества Суллы в Киликии (*Berve H. Gestaltende Kräfte der Antike.* München, 1949. S. 133). Однако, на наш взгляд, объяснить выбор храма можно и иначе: в тексте оракула римляне именуется «родом Энея», так что вполне естественно, что одному из потомков этого героя, Сулле, предписывается совершить посвящение в храм Афродиты на «исторической родине» римского народа, в Азии. О римлянах как «энеадах» см.: *Fadinger V. Sulla als Imperator Felix und "Epaphroditos"* (= "Liebling der Aphrodite") // *Wiederstand – Anpassung – Integration. Die Griechischen Staatenwelt und Rom.* Stuttgart, 2002. S. 171.

¹⁶ *Keaveney A.* Op. cit. P. 83, 85; *Volkmann H.* Op. cit. S. 38 f.

¹⁷ Считается, что имя Венеры связано, помимо прочего, с понятием *venia*, «милость богов» (*Boer E. Venus* // *KIP.* Bd. 5. Sp. 1174). В классические времена «Венерой» у римлян назывался лучший бросок при игре в кости (*Hor. Carm.* II.7.25 sq.).

¹⁸ В принципе само по себе появление латинского варианта прозвища может и не иметь отношения к Венере – оно появляется после захвата Суллой Пренесте, где находился знаменитый храм Фортуны, и Сулла мог рассматривать взятие этого города как свидетельство особой благосклонности его божества, проявление своей личной *felicitas* (*Sumi G.S. Spectacles and Sulla's Public*

Символика, связанная с Венерой, очень ярко проявилась на монетах Суллы, чеканенных в период войны. Эти монеты известны двух типов – ауреус и денарий, причем для нас особый интерес представляет ауреус¹⁹. На его аверсе изображена голова Венеры и Купидон, держащий над ней пальмовую ветвь; на реверсе – священный сосуд (*praefericulum*) и авгурский жезл (*lituus*) между двумя трофеями и легенда IMPER ITERU(M)²⁰. Изображение двух трофеев на этой монете служит предметом дискуссии. С одним из них все ясно – это трофей, знаменующий победу над Митридатом; но что значит второй трофей? Когда состоялась ещё одна императорская аккламация Суллы? Обычно считают, что это произошло либо после его боевых действий в Киликии, либо во время Союзнической войны²¹, но никаких указаний на это в источниках нет. М. Крофорд считает, что эти два трофея вовсе не обязательно связывать с двумя императорскими аккламациями – это вполне могут быть два трофея, воздвигнутые Суллой после битвы при Херонее (*Plut. Sulla. 19.9–10; Dio Cass. XLII.18.3*)²². Однако в этом случае остается непонятной легенда: можно было воздвигнуть два трофея, но нельзя было получить две аккламации за одно сражение. А. Кивни считает, что вторая аккламация произошла после битвы при Орхомене²³ – но две аккламации за одну кампанию получить было нельзя. Т. Мартином была предпринята попытка связать второй трофей с победой Суллы в битве у Коллинских ворот²⁴; К. Маккей, при-

Image // *Historia*. 2002. Bd. 51. Ht. 4. P. 415 + note 10). Однако независимое появление прозвища отнюдь не противоречит его дальнейшему соотнесению с Венерой в ипостаси богини удачи.

¹⁹ Денарий имеет на аверсе изображение головы богини Ромы в шлеме и на реверсе – полководца на триумфальной колеснице с увенчивающей его Викторией (*Crawford M. Roman Republican coinage. Cambr., 1974. Vol. 1. P. 379. No. 367*).

²⁰ *Sydenham E.A. The coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 124. No. 760 (датирует 82 г. до н.э.); Crawford M. Op. cit. P. 373. No. 359 (датирует 84–83 гг. до н.э.)*.

²¹ См.: *Ooteghem J., van. Lucius Licinius Lucullus. Namur, 1959. P. 23 f.; Combès R. Imperator (Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome republicaine). P., 1966. P. 454; Fadinger V. Op. cit. S. 186. Anm. 156*.

²² *Crawford M. Op. cit. P. 373*. Правда, Дион Кассий в указанном месте пишет о трех трофеях Суллы, но М. Крофорд считает это просто ошибкой. Его мнение не беспорочно, но в данном случае вопрос о третьем трофее выходит за рамки темы настоящей статьи. Рассмотрение этого сюжета см.: *Mackay C.S. Sulla and the Monuments: Studies in his Public Persona // Historia. 2000. Bd. 49. Ht. 2. P. 208 f.* Два трофея изображены также на последнем выпуске афинских тетрадрахм нового стиля, который чеканился Суллой (*Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens. N.Y., 1961. P. 425 ff. No. 1341–1345*). См. о предложенных интерпретациях второго трофея: *Camp J., Ierardi M., McInerney J., Morgan K., Umholtz G. A Trophy from the Battle of Chaironeia of 86 B.C. // AJA. 1996. Vol. 96. No. 3. P. 450. Note 26*.

²³ *Keaveney A. Sulla Augur: Coins and Curiate Law // AJAH. 1982. Vol. 7. P. 160; idem. Sulla. P. 118*.

²⁴ *Martin T.R. Sulla imperator iterum, the Samnites and Roman Republican Coin Propaganda // SNR. 1989. Bd. 68. S. 19–44 (non vidi)*.

зная аргументированность его истолкования монетного материала, тем не менее, относится критически к основному выводу исследователя²⁵. В общем и целом, приходится признать, что наиболее вероятной выглядит идея о том, что первую аккламацию Сулла получил в пору своего киликийского наместничества²⁶ – во всяком случае, единственным возражением здесь является отсутствие упоминаний о ней в источниках.

Изображение Венеры должно было указать на неё как на дарительницу победы, а священные предметы – на легитимность положения Суллы. Как иронично пишет А. Кивни, «если циннанцы считали Суллу врагом отечества, боги, очевидно, придерживались иного мнения, поскольку они рассматривали его как законного защитника Рима, посылали ему благоприятные знамения и благословляли его кампании. И ни одно божество не благословляло его больше, чем сама Венера, сама мать римского племени. Покровительница Суллы, защитника её потомков, она чтилась на его монетах как подательница победы»²⁷.

На почитание Венеры как подательницы победы указывает и дар, посланный Суллой в Афродисию Карийскую, в соответствии с велением дельфийского оракула – золотой венок и золотая секира. Эти дары посвящены именно воинственной Афродите: «видел тебя он такою во сне, – ты в доспехах Ареса шла по рядам войсковым, бранной отвагой дыша» (*App. BC. I.97. Пер. С.А. Жебелева*).

В связи с этим почитанием находится и то, что Сулла прибавляет к своему имени прозвище Эпафродит (Любимец Афродиты) – видимо, уже с самого начала кампании в Греции²⁸. Во всяком случае, Плутарх уверяет, что на трофеях Суллы в Беотии («в нашей земле») было написано: «Луций Корнелий Сулла Любимец Афродиты»²⁹. Это тем более

²⁵ Mackay C.S. Op. cit. P. 178.

²⁶ Ibid. P. 180 f. (пожалуй, самое подробное на сегодняшний день обоснование «килийской аккламации»); Santangelo F. Op. cit. P. 205.

²⁷ Keaveney A. Sulla. P. 118.

²⁸ Ф. Сантанджело осторожно пишет о том, что Сулла принял это прозвище очень рано, после первой решительной победы над Архелаем, если ещё не раньше (*Santangelo F. Op. cit. P. 204*). Строго говоря, документальных свидетельств, подтверждающих это, нет – первые надписи с упоминанием прозвища «Эпафродит» относятся к более позднему времени (см.: RDGE. No. 20 (письмо Л. Корнелия Суллы к фасосцам); No. 49 (письмо *de collegiis artificum Bacchiorum*); No. 18 (сенатконсулт о стратоникейцах) = OGIS. 441). На основании этого, а также с учетом того, что латинское прозвище «Феликс» было официально принято Суллой в качестве агномаена только в конце 82 г., К. Маккей делает вывод, что и греческий эквивалент этого имени появился не раньше этой даты; что же касается греческой надписи на трофее Суллы при Херонее с упоминанием этого прозвища – то она вполне могла быть добавлена позже и являться копией официального письма Суллы херонейцам (*Mackay C.S. Op. cit. P. 175, 177*). С другой стороны, аргумент *ex silentio* не может быть решающим, тем более что на особое почитание Венеры Суллой уже в начале войны есть многочисленные указания.

²⁹ *Plut. Sulla. 34.4*. В данном случае верить Плутарху можно хотя бы отчасти – недавняя находка памятника, который был интерпретирован его публи-

показательно, что до времени войны с Митридатом Сулла не обнаруживал никаких признаков особого отношения к Венере³⁰. Плутарх ставит в один ряд греческое прозвище Суллы Эпафродит и латинское Феликс³¹. Среди современных исследователей по этому вопросу единства нет, но, как нам кажется, дискуссия уходит несколько не в ту сторону. Плутарх, при всей своей наивности, поставил важный вопрос об адресате сулланской пропаганды – и дал на него в общем и целом верный ответ. Бесспорно, что *felicitas* была чисто римской концепцией, чуждой греческой религиозной мысли³². Однако так же бесспорно, что прозвище Эпафродит было бы непонятно римлянам. Поэтому в той части пропаганды, которая была обращена к грекам, он подчеркивал, что является любимцем почитаемой местной богини³³;

каторами как второй трофей, поставленный Суллой после битвы при Херонее, показала, что на этом памятнике написаны те самые имена, которые видел Плутарх (текст надписи: *Camp J., Ierardi M., McInerney J., Morgan K., Umholtz G.* Op. cit. P. 445). С другой стороны, в такой интерпретации существуют сильные сомнения: номинатив, в котором стоят имена в надписи, указывает, что памятник воздвигли именно эти люди; надпись выполнена довольно грубо и на беотийском диалекте, что странно, если памятник воздвигнут римским полководцем и т.д. Скорее всего, Плутарх допустил здесь некоторую путаницу. См. подробнее: *Mackay C.S.* Op. cit. P. 168 f.

³⁰ *Keaveney A.* Sulla... P. 217.

³¹ *Plut.* Sulla. 34.4: «Сулла, выступив перед народом, стал перечислять свои деяния, подсчитывая свои удачи с не меньшим тщанием, чем подвиги, и в заключение повелел именовать себя Счастливым – именно таков должен быть самый точный перевод слова “Феликс”. Сам он, впрочем, переписываясь и ведя дела с греками, называл себя Любимцем Афродиты» (пер. В.М. Смирин). Ф. Сантанджело считает, что прозвище «Феликс» не имеет к Венере никакого отношения (*Santangelo F.* Op. cit. P. 207). Действительно, не вполне ясно, существовал ли во времена Суллы культ *Venus Felix* – этот эпитет богини зафиксирован только для императорской эпохи (*Latte K.* *Römische Religionsgeschichte.* München, 1960. S. 188), поэтому самая осторожная формулировка здесь – это признание того, что «прямых свидетельств об этом культе нет» (*Ramage E.S.* *Sulla's propaganda // Klio.* 1991. Bd. 73. Ht. 1. P. 100. No. 38). Однако есть и сторонники взгляда, согласно которому культ *Venus Felix* существовал уже при Сулле (см., напр.: *Fears J.R.* *The Theology of victory at Rome: Approaches and Problems // ANRW.* 1981. Bd. 17. Tl. 2. P. 878).

³² *Keaveney A.* Sulla... P. 218.

³³ *Ramage E.S.* Op. cit. P. 100. Подчеркивая эту обращенность прозвища «Эпафродит» к грекам, Г. Фолькман даже главу своего труда назвал: «*Sullas Gegenideologie: der Liebling des Aphrodite*». См.: *Volkman H.* Op. cit. S. 36; ср.: *McGing B.G.* *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontos.* Leiden, 1986. P. 148. Не так давно Ф. Фадингер предпринял попытку отыскать в прозвище «Эпафродит» новые коннотации. См.: *Fadinger V.* Op. cit. По его мнению, это прозвище означает «Любимый супруг Афродиты» (S. 170) и соотносится с церемонией священного брака, концепцией смены четырех мировых монархий и переходом не только «мирской» власти от Шумера к Вавилону, затем, поочередно, к ассирийцам, персам, Александру Великому и его наследникам, Риму, но и сменой сакрального господства: Ану – Бел-Мардук, Бел-Ашшур, Ахурамазда, Зевс, Юпитер (S. 169). В этом смысле Сулла как любимый супруг Афродиты является наследником двухтысячелетней традиции, начинающейся со священного брака урукской богини Иннаны с Думмузи (S. 170. Anm. 66). Концепция Фадингера очень интересна, но, на наш взгляд

соотечественникам предназначалась более привычная для них концепция *felicitas*, являвшейся одним из важнейших качеств полководца³⁴. Конечно, любопытно было бы знать, как оба эти прозвища соотносятся по времени появления, но никаких материалов на этот счет у нас нет. Можно только в самом общем виде констатировать, что во время боевых действий в Греции Сулле, несомненно, было необходимо поддерживать боевой дух своих войск. Но в каких формах это делалось – сказать практически невозможно. Единственное, что известно наверняка – это то, что определенную роль в формировании настроений в его пользу и поддержании боевого духа солдат играли у Суллы знамения. По-видимому, использовались они не так интенсивно, как в пропаганде Митридата. Источники дважды сообщают о знамениях, полученных Суллой в ходе кампании против понтийцев: в начале боевых действий (*App. BC. I.97*) и затем после битвы при Херонее (*Plut. Sulla. 17.7 sq.*). Вряд ли эти несколько случаев дают основание утверждать, что Сулла использовал предсказания оракулов широко³⁵, но в любом случае эпизод с Кафисом указывает, что пользовался знамениями он умело и мог обратить себе на пользу даже те из них, которые казались неблагоприятными³⁶.

После победоносного завершения кампании в Греции, последовавшей за этим переправы в Азию и завершившего войну Дарданского мира, содержание пропаганды существенно меняется. Среди бедствий этого времени упоминаются резня между свободными и рабами по разным поводам, разрушение стен городов, их разграбление, продажа жителей в рабство (*App. Mithr. 61*), насилие и вымогательства

довольно сомнительна: она предполагает в качестве обязательного условия знакомство Суллы с этой восточной традицией. Но это само по себе вряд ли вероятно. Более подробный разбор статьи Ф. Фадингера см.: *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 2010. № 1. С. 224–225.

³⁴ О *felicitas* полководца см.: *Cic. Leg. Man. 47–48*. Оценку значения этого качества для римских военачальников с отсылками к источникам см.: *Sumi G.S. Op. cit. P. 416*.

³⁵ Так считает Б. Макгинг. См.: *McGing B.G. Op. cit. P. 149*. К. Латте констатирует: «Сновидения (*Plut. Sulla. 6* и *9.4*; *App. BC. I.105*) и разного рода предсказания (*Cic. Div. I.72*) играли в его рассказе о своих действиях значительную роль» (*Latte K. Op. cit. S. 279*). Однако легко убедиться, что все приводимые им примеры относятся к действиям Суллы в Италии. На этом фоне отсутствие подобной же информации о восточной кампании является ещё более показательным.

³⁶ Иногда этот эпизод истолковывается как свидетельство вольнодумства и даже атеизма Суллы (*Молев Е.А.* Властелин Понта. Н. Новгород, 1996. С. 69 («насмешливо ответил»); *Reinach T. Op. cit. P. 155*; *Balsdon J.P.V.D. Sulla Felix // JRS. 1951. Vol. 41. P. 9* (легкомысленное (*light-hearted*) отношение к знамениям). Но, как следует из источников, Сулла не был вольнодумцем и атеистом, скорее, напротив, он был суверен до крайности. По наблюдениям Дж. Больсона, Плутарх в биографии Суллы 16 раз точно цитирует его мемуары, причем в пяти случаях речь идет о снах, знамениях и т.п. Ещё 9 раз, по мнению исследователя, Плутарх цитирует Суллу, не указывая источник, причем всякий раз речь идет о явлениях сверхъестественных или таинственных. См.: *Balsdon J.P.V.D. Op. cit. P. 2*.

солдат Суллы (*App. Mithr.* 63; *Plut. Sulla.* 25.4 f.). Подобные эксцессы были неизбежны на территории, где ещё совсем недавно шли боевые действия, однако в целом порядок в провинции был восстановлен сравнительно быстро; во всяком случае, после отбытия Суллы из Азии сопротивляться продолжали только Митилены, которые, выдав Мания Аквиллия Митридату, не могли надеяться на пощаду. Судьба каждого конкретного города была тесно связана с его позицией в период военных действий. Те из них, которые активно поддерживали Митридата, не могли рассчитывать на снисхождение, даже если они приняли участие в борьбе с понтийским царем в конце войны. Наиболее полный список городов, на которые было наложено наказание, приводит А. Кивни. По его мнению, это были, в первую очередь, участники убийства италиков (*App. Mithr.* 23: Эфес, Пергам, Адрамиттий, Кавн, Траллы); к ним следует добавить Митилену, Милет, Клазомены, и, возможно, Фокею и Кизик³⁷. Таким образом, список городов, наказанных за союз с Митридатом, не столь уж велик; кроме того, следует отметить, что все эти города были наказаны в соответствии с римскими понятиями о справедливости, исходя из которых их вина была несомненной.

Напротив, Сулла наградил восстановлением их свободы и рядом привилегий те города, которые пострадали за свою верность римлянам – Илион, острова Хиос и Родос, федерацию ликийских городов (*App. Mithr.* 61), Магнесию на Сипиле³⁸. Кроме того, из эпиграфических источников мы узнаем о получении привилегий Табами (RDGE. P. 100–104), Стратоникеей, островом Кос, Термессом, Лампсаком, Аполлонией в Лидии, Алабандой, Метрополисом. Весьма вероятно и вознаграждение Смирны, первоначально поддерживавшей понтийского царя, но в то же время спасшей жизнь Рутилия Руфа, который пережил в ней всю войну (*Dio Cass.* XXII–XXIX.97.2; *Tac. Ann.* IV.43), а впоследствии – восставшей против Митридата (*Oros.* VI.2.8)³⁹. Во всяком случае, Цицерон, говоря об этом городе, называет его «древнейшим и вернейшим союзником римского народа» (*Phil.* XI.2.5). Есть также несколько городов, статус которых неясен, хотя их участие в восстании против Митридата засвидетельствовано источниками – Колофон, Сарды, Гипена, Книд (*Oros.* VI.2.8; *App. Mithr.* 48; *Plut. Luc.* 3.3).

Размеры этого списка внушительны, тем более что зачастую речь идет о даровании привилегий и свободы довольно значительным тер-

³⁷ Keaveney A. *Op. cit.* P. 230 f. Далее Кивни допускает возможность того, что ряд общин, хотя и не принимал участие в резне, понес наказание за то, что не оказал римлянам действенной помощи.

³⁸ А. Кивни (*Op. cit.* P. 231 f.) пытается обосновать, основываясь на сообщении Тацита (*Ann.* III.62), что награждена была Магнесия на Меандре. Но Аппиан упоминает ее вместе с Эфесом и Митиленами как город, охотно вступивший Митридату и вставший на его сторону (*Mithr.* 21). Кроме того, из контекста сообщения Тацита видно, что речь идет не о привилегиях, данных общине в целом, а о предоставлении асиии храму Дианы Левкофрины.

³⁹ Lewis R.G. *Sulla and Smyrna // CQ. New Series.* 1991. Vol. 41. № 1. P. 128 f.

риториям (острова Кос, Хиос, Родос, ликийский союз)⁴⁰. Таким образом, при всей фрагментарности и неполноте имеющихся в нашем распоряжении сведений, можно отметить, что список награжденных, во всяком случае, не меньше, чем список наказанных⁴¹ – что, кстати, довольно плохо увязывается с традиционным представлением о массовом и добровольном переходе азиатских полисов на сторону Митридата.

Наказанием, наложенным на провинцию в целом, была выплата огромной суммы в 20 тыс. талантов (*Plut. Sulla. 25.4; Luc. 4.1; 20.4; App. Mithr. 62–63*). Ранее ряд исследователей принимал эту цифру как размер военной контрибуции⁴², причем иногда к этой сумме прибавлялось ещё столько же – денежные выплаты находившимся на постое солдатам за 6 месяцев⁴³. Однако, скорее всего, эти 20 тыс. талантов включали в себя контрибуцию и налог за 5 прошедших лет (соответственно 8 и 12 тыс. талантов)⁴⁴. Как справедливо отмечалось в литературе, такой размер контрибуции не кажется слишком большим, особенно если учесть, что Митридат требовал 2 тыс. талантов с одних только хиосцев⁴⁵.

Для сбора этой суммы вся Азия была разделена на 44 податных округа. Этот факт засвидетельствован хроникой Кассиодора (*Chron. 670: Asiam in quattuor et quadraginta regiones Sulla distribuit*). Относительно характера этих *regiones* в литературе нет единого мнения. Еще Т. Моммзен предположил, что Сулла отменил на Востоке откупную систему⁴⁶. Те авторы, которые принимали эту точку зрения, исходили из того, что Сулла, представитель аристократии, проводил политику, враждебную «капиталистам»; согласно их взглядам, эта мера очень хорошо соотносится с другими реставраторскими мероприятиями

⁴⁰ Р. Кэллет-Маркс справедливо отмечает ещё одно важное обстоятельство: «Когда в нашем распоряжении есть свидетельства, то кажется, что Сулла, как правило, вознаграждал эти общины дарениями территорий, доходы с которых должны были способствовать восстановлению этих городов» (*Kallet-Marx R.M. Hegemony to Empire: The Development of the Roman Empire in the East from 148 to 62 B.C. Berkeley etc., 1995. P. 276*).

⁴¹ Есть и другое мнение: «...Та свобода от трибута и прямого римского вмешательства, которой многие, может быть, большинство, греческих городов Азии пользовались со 129 г., теперь закончилась, за исключением очень немногих случаев» (*Kallet-Marx R.M. Op. cit. P. 265*).

⁴² См., напр.: Моммзен Т. История Рима... Т. 2. С. 284; Ковалев С.И. История Рима... С. 390; *Reinach T. Op. cit. P. 209*.

⁴³ *Reinach T. Op. cit. P. 209; Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М., 1949. С. 36*.

⁴⁴ *Rostovtzeff M., Ormerod H.A. Pontus and its neighbours: The first Mithridatic War // САН. 1932. Vol. 9. P. 259; Broughton T.R.S. Roman Asia // An Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore, 1938. Vol. 4. P. 518, 562; Brunt P. Sulla and the Asian publicans // *Latomus*. 1956. Т. 14. P. 17, 18; *Magie D. Op. cit. Vol. 2. P. 1115 f; Keaveney A. Op. cit. P. 127; Hind J.G.F. Mithridates // САН². 1994. Vol. 9. P. 162*.*

⁴⁵ *Magie D. Op. cit. P. 1116*.

⁴⁶ Моммзен Т. История Рима... Т. 2. С. 325; Т. 3. С. 85. Этот же взгляд принимали Т. Рейнак и Т. Франк. См.: *Reinach T. Op. cit. P. 209 f.; Frank T. Roman imperialism. N.Y., 1914. P. 316, 326*.

Суллы. Принимающий эту точку зрения Б.П. Селецкий, например, пишет: «...Нет оснований сомневаться, что у Суллы в тот период имелась вполне продуманная политическая программа... Если признать, что политика Суллы в этот период носила хоть сколько-нибудь последовательный и целенаправленный характер, неизбежно напрашивается вывод о том, что он должен был произвести весьма серьезные изменения в системе римского налогообложения на Востоке. [...] Демократическая политика Митридата требовала какого-то противодействия, а римских откупщиков ненавидели не только провинциалы, но и римские оптиматы»⁴⁷. Взгляд этот базируется на старом представлении об общей враждебности Суллы и оптиматов к публиканам и «среднему классу» вообще⁴⁸. В противоположность этому уже давно было высказано мнение, что операции откупщиков в Азии никогда не прекращались⁴⁹. Оба эти мнения представляют из себя крайности. С одной стороны, вряд ли есть основания говорить о последовательном антивсадническом курсе Суллы: за прошедшее со времен Моммзена время взгляды на природу и сущность политической борьбы в Риме в значительной степени изменились, акцент был перенесен не на общность экономических целей и т.п., а на межличностные отношения. По словам Г.С. Кнабе, полное подтверждение в источниках находит «сам факт существования... наряду с прочими социальными микро-множествами также сообществ, которые собирались вокруг аристократических лидеров и оказывали им помощь в достижении их политических целей. ...В Риме такие группировки начинают играть значительную роль в связи с движением Гракхов и в последующую эпоху, а ко времени Катилины и Клодия приобретают... агрессивный и чисто политический характер»⁵⁰. Поэтому, хотя во время проскрипций Суллы и пострадало значительное число всадников, это вполне объяснимо: гибли люди, которые были его личными врагами или активно поддерживали его соперников. Как справедливо отметил П. Брант, вряд ли Сулла был так неосторожен, чтобы отдалить от себя публиканов путем рассчитанной атаки на их финансовые интересы⁵¹. С другой стороны, обоснованными выглядят и доводы Бранта в пользу невозможности сбора денег при помощи публиканов в 84 г. – тяже-

⁴⁷ Селецкий Б.П. Источники финансирования Суллы в период войны с Митридатом Евпатором // ВДИ. 1982. № 2. С. 71 сл.

⁴⁸ Нич К.В. История Римской республики. М., 1908. С. 388; Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1915. Т. 1. С. 100, 106; Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. 1. С. 235; Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1956. С. 252; Baker G.P. Sulla the Fortunate: The Great Dictator. N.Y., 1967. P. 233.

⁴⁹ Holmes T.R. The Roman Republic and the Founder of the Empire. N.Y., 1968. Vol. 1. P. 395 f.; Rostovtzeff M., Ormerod H.A. Op. cit. P. 260; Jones A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 78; Broughton T.R.S. Roman Asia... P. 518 f.

⁵⁰ Кнабе Г.С. Человек и группа в античности // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 215.

⁵¹ Brunt P. Sulla and the Asian publicans // Latomus. 1956. T. 14. P. 18.

лые потери кампаний публиканов во время резни 88 г., контроль за «капиталами» публиканов со стороны врагов Суллы в Риме и невозможность передать ему деньги или предоставить займы азиатским городам. «Из сбора контрибуции их исключила необходимость, а не политика», – заключает исследователь⁵². Таким образом, при затруднительности окончательного ответа на вопрос о характере *regiones*, установленных Суллой, более аргументированной представляется все-таки точка зрения исследователей, признающих временный и вынужденный характер этой меры.

Наши источники позволяют пролить свет на пропагандистское оформление всей сулланской системы наград и наказаний на Востоке. Прежде всего, обратимся к тому, что сообщает Аппиан. В 57–58 главах «Митридатика» он передает речь, якобы произнесенную Суллой во время встречи с Митридатом. Против понтийского царя выдвигается здесь ряд обвинений, но все они, в сущности, сводятся к главному: Митридат, надеясь на господство над всей землей в случае победы над римлянами, под разными предлогами покушался на чужие земли – он изгнал Ариобарзана из Каппадокии и Никомеда из Вифинии, захватил Фригию, Пафлагонию и область галатов, напал на принадлежащую римлянам Азию; затем он отправил войско в Европу, хотя царям Азии было запрещено там появляться. Вывод из речи прост: «ты начал войну с нами, а мы уже стали решительно защищаться и будем защищаться до конца». К этим обвинениям присоединяются и другие: он возбудил мятеж рабов и должников, дав им свободу и освобождение от долгов, истребил множество эллинов, тетрархов Галатии, которые были его сотрапезниками, италийцев, живших в Азии, он присвоил себе деньги всех. По словам аппиановского Суллы, это доказывает всю жестокость, нечестие и глубину ненависти Митридата к римлянам.

Итак, в этой речи Митридат выглядит врагом не только римлян, но и эллинов в целом, конкретная позиция того или иного полиса не имеет значения. Это Митридат начал войну, он спровоцировал мятеж рабов и должников, он организовал резню римлян. Видимо, такое понимание этой войны пропагандировалось достаточно широко. Во всяком случае, ее характеристики в надписи SIG³. 742 очень к нему близки. Эта надпись содержит постановление, принятое в Эфесе уже после того, как город поднял восстание против Митридата, и предполагает установление в нем «гражданского мира»⁵³. Характеристика предшествующих событий находится в начальной части декрета. Если оставить в стороне заверения в искренней преданности римлянам и утверждение, что, под принуждением поддержав Митридата (9–10: «устрашенные и многочисленностью войска, и неожиданностью нападения» – [τῶ] τε πλῆθει τῶν δυνάμεων καὶ τῶ ἀπροσδοκῆτῳ τῆς ἐπιβολῆς), они начали войну против него при первой же возможности, Митридат обвиняется, во-первых, в нарушении договоров с римлянами (4–5:

⁵² Brunt P. Sulla and the Asian publicans... P. 18.

⁵³ Этот документ датируется 86 или 85 г. (Kallet-Marx R.M. Op. cit. P. 285).

Μιθραδάτης Καππαδοκίας βασιλεὺς παραβὰς τὰς πρὸς Ῥωμαίους συνθήκας), и, во-вторых, в том, что он попытался стать господином земель, совершенно ему не принадлежавших (5: τῆς μηθὲν ἑαυτῷ προσήκουσας χώρας)⁵⁴. В силу этого война с Митридатом характеризуется в декрете как «общее дело», τὸ κοινὸν πρᾶγμα (12), а римляне – как «общие спасители», κοινοὶ σωτῆρες (1–2). Война характеризуется, далее, как «война против Митридата за римскую гегемонию и общую свободу» (12–14: τὸν πρὸς Μιθραδάτην πόλεμον ὑπὲρ τε τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας καὶ τῆς κοινῆς ἐλευθερίας). Замечательно, что для характеристики отношений с Римом здесь избрано слово ἡγεμονία. Как видно из текста надписи, понятия ἡγεμονία и ἐλευθερία не являются для ее авторов взаимоисключающими. Понятие ἐλευθερία означало свободу в самом общем и широком смысле слова; именно в этом смысле оно устойчиво входило в состав антитезы: ἐλευθερία – δουλεία и относилось к политическим, военным, философским дефинициям межполисного общения; это было стабильное понятие, мало менявшееся с течением времени⁵⁵. Следовательно, ἡγεμονία не означает просто владычества. Если обратиться к тому значению, которое это слово имело двумя столетиями ранее, в греческой политической публицистике IV в. до н.э. (в частности, у Исократ), то оказывается, что понятие ἡγεμονία связано «с первенством среди эллинов, но первенством, построенном на принципах уважения лидера союзниками и добровольного вручения ими власти»; в этом смысле оно противопоставляется ἀρχή – несправедливым отношениям внутри союза, угнетению союзников⁵⁶. Римляне, таким образом, выступают в этой надписи, скорее, в качестве руководителей «общего дела» – войны с Митридатом, чем как властители Азии.

Обратимся теперь к документам, которые содержат сенатконсульты относительно отдельных азиатских городов. Самый обширный и лучше всего сохранившийся из них – это сенатконсульт о Стратоникее (81 г. до н.э.)⁵⁷. Этот документ содержит ряд привилегий, которые, по представлению Суллы, получили жители Стратоникии Кариийской. Кроме возобновления старинного союза с Римом, привилегии включали в себя право пользоваться теми законами, которые существовали в полисе до начала войны, утверждение всех постановлений, сделанных в городе в ходе войны и всех пожалований, сделанных городу Суллой (OGIS. 441. 95 f.), предоставление асиии храму Гекаты, поручение следующим наместникам Азии позаботиться о восстановлении утраченной жителями города собственности, освобождение плененных в ходе войны, ряд почетных привилегий для стратоникейских послов в Риме.

За что получил город этот, по выражению Р. Шерка, «впечатляющий список» (*an impressive list*) привилегий? Ответ содержится в пер-

⁵⁴ Любопытно, что, в свою очередь, Митридат стремился в своей пропаганде обосновать законность своих приобретений. Ср.: *Just.* XXXVIII.7.10.

⁵⁵ *Исаева В.И.* Принципы межполисных отношений конца V – середины IV в. до н.э. // *Античная Греция.* М., 1983. Т. 2. С. 113 сл., особенно – 116 сл.

⁵⁶ *Она же.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 132.

⁵⁷ OGIS. 441 = Sherk. RDGE. No. 18

вых же строках документа: «Известно нам, что вы и ваши предки поступали по всей справедливости по отношению к нашей гегемонии и, при всех обстоятельствах всецело храня верность по отношению к нам, в войне с Митридатом первыми в Азии вступили в борьбу с ним ([οὐκ ἀγνοοῦμεν ὑμᾶς] διὰ προ[γ]όνων πάντα τὰ δίκαια [πρὸς τὴν ἡμετέραν] ἡγεμονίαν πεποιηκότας καὶ ἐν [παντί καιρῷ τὴν πρὸς ἡμᾶς πίστιν] εἰλικρινῶς τετηρηκότας [ἐν τε τῷ πρὸς Μιθραδάτην πόλλεμῳ πρώτους τῶν ἐν τῇ Ἰστίαι ἀντιτεταγμένους καὶ] διὰ ταῦτα κινδύνους πολλοὺς [τε καὶ παντοδαποὺς] ὑπὲρ τῶν ἡμετέρων δημοσίων [πραγμάτων προθυμότητά ἀν]αδεδεγμένους) (OGIS. 441.3–9). Далее в анализируемом декрете неоднократно упоминается набор качеств, которые стратоникейцы хранили в отношении римского народа: они «дружбу, верность и благорасположение к римскому народу всегда соблюдали до конца, как в мирное, так и в военное время» (τὴν τε φιλίαν καὶ πίστιν καὶ εὖνοιαν πρὸς τὸν δῆμον τὸν Ῥωμαίων διὰ τέλους ἐν καιρῷ εἰρήνης πολέμου τε ἀεὶ συντηρακέναι)⁵⁸. Эти качества проявились конкретно в том, что стратоникейцы поднялись на борьбу с Митридатом «первыми в Азии» (стк. 6–7; ср. стк. 38), и в ходе этой борьбы «нахрабрейше противостояли силам и мощи царя» [προθυμότητά ἀντετάχθη] τῇ βασιλικῇ βί[ι]αι καὶ δυνάμει) (стк. 47–48, ср. стк. 84–86: τοῖς τε βασιλέως Μιθραδάτου ἡγεμόσιν] [δυνάμει]σιν τε ἐπανδρότατα περὶ τῶν πόλεων τῆς Ἀσίας καὶ [τῆς] Ἑλλάδος ἀν]τιτετάχθαι), а также оказали помощь римлянам войнами, провизией и большими тратами общественных средств (стк. 80–81); в целом поведение стратоникейцев в этой войне определяется как «величие духа» (стк. 83: ὑπὲρ τῆς μεγαλοφροσύνης τῆς αὐτῶν). Что касается характера войны со стороны Митридата, то он обвиняется в том, что жесточайше тиранил Азию (стк. 38–39: [Μιθρ]αδάτης ἐν αὐτῇ (sc.: ἐν Ἀσίᾳ) [δεινότατα ἐτυράννευεν]), а стратоникейцы сражались «за города Азии и Эллады» (стк. 85–86).

Подобного же рода характеристики поведения полиса и характера войны содержатся в гораздо хуже сохранившемся сенатконсульте о Табах (OGIS. 442 = Sherk. RDGE. No. 17). Совпадение в двух сенатконсультах дословное: и здесь отмечается, что жители полиса «наимужественнейше сражались с силами и полководцами царя за Азию и Элладу» (стк. 1–3, ср. OGIS. 441.84–86), и затем дается обещание, что Сенат и народ римский «помнят и будут помнить об их верности» (стк. 6–7: αὐτῶν πίστιν δια μνήμης ἔχειν ἕξειν τε). Перечень привилегий, дарованных Табам, сильно поврежден и неполон, но, во всяком случае, он включает в себя, как и в случае со Стратоникеей, какие-то территориальные приращения, данные табицям «ради их доблести и заслуг» (стк. 8: [τῆς τοῦτων ἀρετῆς καὶ καταλογῆς ἐνέκεν]), и позволение укрепить местечко Тиэсса (χωρίον Θυησσόν) (стк. 12–13).

Еще более фрагментированы письмо Суллы и сенатконсулт, адресованные фасосцам (Sherk. RDGE. No. 20). Однако и в нем содержится обещание ныне и впредь помнить заслуги фасосцев (какие именно – неясно, так как текст сильно поврежден) (E, стк. 10–11; формулировка дословно совпадает с формулировкой сенатконсульта о

⁵⁸ OGIS. 441. 78–80; ср. тот же перечень в стк. 37 и в стк. 45 (где вместо φιλία фигурирует συμμαχία).

Табах), и, несколькими строками ниже – указание на «доблесть и заслуги» фасосцев в отношении римлян (Е, стк. 13) и на то, что они решили скорее положить жизнь за римское дело, чем при каких-либо обстоятельствах нарушить дружбу с римским народом (С, стк. 3–5: τὰ πνεύματα ὑπὲρ τῶν δημοσίων πραγμάτων ἡμετέρων ἐν τῇ χρεΐᾳ ἀποβάλλειν μάλλον ἢ ἐν τινὶ καιρῷ ἀπὸ τῆς τοῦ δήμου τοῦ Ῥωμαίων φιλίας ἀπεστατηκέναι).

Итак, приведенный эпиграфический материал в общем и целом совпадает в характеристиках и оценках событий. Во всех приведенных документах полисы вознаграждаются за проявленную ими верность в отношении римского народа и те страдания и лишения, которые они при этом претерпели. Конечно, общность стилистических оборотов в приведенных текстах легко объяснима официально-риторическим стилем этих памятников, но при всем при том важно помнить, что «стиль отражает устойчивую систему взглядов, “систему фраз”, которая гораздо шире, чем то или иное произведение, созданное в данном стиле. Семантика стиля... вскрывает все мировоззрение целиком... Целью стилистического анализа должна стать система взглядов, породившая систему фраз»⁵⁹. Если придерживаться достаточно распространенного взгляда, согласно которому сущность римской политики составляло беспощадное господство⁶⁰, то риторическое оформление сенатконсультов будет признано, в лучшем случае, лицемерием. Но при этом забывают провести очень важное разделение – между завоеванием и управлением. Известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет писал по этому поводу: «Стабильное и нормальное отношение между людьми, которое называется правлением, никогда не основано на применении силы... Наполеон напал на Испанию, оккупировал ее на некоторое время, но он не правил в Испании ни одного дня. Так случилось именно потому, что за ним стояла сила – сила, но не более того. Не следует смешивать понятия “агрессия”, “нападение” и “правление”. Правление – это нормальное осуществление власти. Прочной будет лишь та власть, которая опирается на поддержку общественного мнения. <...> Любая смена власти, любая смена правящих сил есть не что иное, как смена мнений»⁶¹. Именно такая «смена мнений» происходит на Востоке в период Первой Митридатовой войны. Римляне не просто подчиняют своей власти отпавшие города Азии – они ещё и демонстрируют, что союз с ними гораздо выгоднее, чем война. На фоне общего разорения территорий, где шли боевые действия, привилегии, полученные верными союзниками Рима, выглядели весьма весомо. Как писал Р. Шерк по поводу сенатконсульта о

⁵⁹ Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид. М., 1988. С. 9.

⁶⁰ Очень ярко этот взгляд выразил итальянский исследователь П. Тревес: «...Римляне свято верили, что победителям Ганнибала, преемникам Александра Великого, палачам Карфагена, Коринфа и Нуманции некого и нечего страшиться. Так зачем же тогда им было... признавать существование народов, пользующихся равным с ними правом на жизнь?» (Тревес П. Проблема политического равновесия в классической античности. М., 1970. С. 24).

⁶¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 154–155, 157.

стратоникейцах, «эти и подобные пожалования в Азии должны были значить много для того, чтобы побудить восточные города к осознанию железной власти Рима над их будущим, и его готовности вознаградить их лояльность. Поэтому, когда Митридат вернулся, их отношение к его попытке было, в целом, враждебным»⁶². В ходе боевых действий первой Митридатовой войны азиаты были поставлены не перед выбором между свободой и порабощением; альтернатива была другая – господство Митридата или гегемония римлян. Первоначальный выбор в пользу Митридата показал, что «освобождение эллинов», провозглашенное им – не более чем пропагандистский лозунг. Основу для распространения в пропаганде этого лозунга составило существовавшее уже в течении долгого времени «противоречие между реальной потерей полисной свободы и иллюзией ее обладания в сознании греков»⁶³. История его прослеживается со времен диадохов и завершается обычно концом III – началом II вв. до н. э. Э. Грюн продляет время применения этого лозунга в эллинистическом мире до конца II в. до н. э.⁶⁴ По-видимому, мы можем прибавить к этому ещё несколько десятилетий и констатировать, что с последней попыткой применить этот лозунг, направив его острие против римлян, мы встречаемся в ходе Первой Митридатовой войны. И снова – как и в предшествующих случаях использования этого лозунга⁶⁵ – его применение оказалось неудачным. Практика восточного деспота разошлась с его пропагандой.

Пропаганда римлян в этом смысле оказалась более удачной. Если ранее они сами широко использовали лозунг «освобождения», то теперь об этом нет и речи. Вставшие на их сторону города четко осознают, что воюют в первую очередь *ὑπὲρ τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας*. Но «общая свобода» стоит в их сознании рядом с римской гегемонией. Разумеется, представления о свободе к этому времени изменились. *Ἐλευθερία* «теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета, но она... означала самоуправление, свою государственность, свои νόμοι, свободу распоряжения земельной территорией»⁶⁶. Однако не римляне и их государство были виновниками этих изменений, они совершились ещё в рамках эллинистических монархий, и римляне восприняли уже сложившуюся систему отношений. Конечно, по праву победителей римляне не считали для себя не-

⁶² Sherk. RDGE. P. 111. Ср.: *Magie D.* Op. cit. P. 231; *McGing B.G.* Op. cit. P. 143.

⁶³ *Кащеев В.И.* Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III–II вв. до н.э.) // АМА. 1990. Вып. 7. С. 42.

⁶⁴ *Gruen E.S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley etc., 1984. Vol. 1. P. 156.

⁶⁵ См. о них: *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993. С. 284 сл.

⁶⁶ *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 51 сл. См. также: *Голубцова Е.С.* Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 66 сл.

возможным распоряжаться перешедшими под их контроль территориями. Но, во-первых, конфискации подвергались лишь земли тех полисов, которые встали на сторону Митридата, и их территории передавались верным союзникам Рима. Во-вторых, речь шла лишь о праве владения той или иной территорией, «в том числе и той, которая составляла хору полисов. Во внутреннюю структуру этой хоры (как и города) римляне не вмешивались: они передавали... деревни, укрепления и т.п., а что собой представляли эти деревни, как будут ими пользоваться получившие привилегии города – римлян не касалось. Полисное самоуправление существовало как бы само по себе и могло быть действенным только до тех пор, пока оно не сталкивалось с римскими интересами»⁶⁷. В отличие от римлян, Митридат пытался утвердить свое господство, активно вмешиваясь в сложившиеся в полисах отношения собственности, покушаясь на их полисную свободу – пусть существующую лишь в сознании и на деле являющуюся фикцией, но всё ещё дорогую сердцу эллинов. Римляне, наоборот, не вмешивались в существующие отношения, предоставляя полисам, признавшим их гегемонию, жить своей традиционной жизнью, награждая за верность «дружбе и союзу», наказывая отступников. Именно эти основы римской политики были призваны объяснить сенатконсулы и письма Суллы; а так как все эти документы, вырезанные на камне, выставлялись в общественных местах, можно сказать, что они были весьма эффективным средством римской политической пропаганды. Как показали дальнейшие события, такое сочетание слова (средств пропаганды) и дела (не только наказание покушавшихся на римское господство, но и награды верным союзникам) оказалось оптимальным: эксцессы времени Первой Митридатовой войны были, пожалуй, последней попыткой изменить политическую ориентацию. В ходе этой войны полисы Азии сделали свой выбор, и затем, на протяжении веков, здесь не происходит ни одного массового антиримского движения.

⁶⁷ *Свенцицкая И.С.* Марк Антоний и малоазиатские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 123.